“По усмотрении в нем расторопности и отличных познаний”

(Казанский гражданский губернатор Иван Григорьевич Жеванов)

Иван Григорьевич Жеванов родился в 1770 г. и происходил из рода выслуженных дворян. Будучи старшим из детей в семье, он получил домашнее образование. В 1787 г. поступил в Екатеринославскую казенную палату, где прослужил более семи лет и заработал в 1790 г. первый классный чин губернского регистратора. В 1794-1796 гг. он находился на службе в канцелярии правителя Екатеринославского наместничества, в 1795 г. был награжден чином коллежского регистратора, а в 1796 г. отличился в борьбе с эпидемией моровой язвы. И. Г. Жеванов организовал карантинные посты и заставы на границах наместничества, в результате чего целый край был «предохранен от впущения во внутрь оного сей ужасной заразы»[1]. В 1797 г. был определен в Одесский карантин, через несколько недель был прикомандирован «к отправлению пограничных дел» к генерал-губернатору Н. М. Бердяеву, а затем до 1798 г. служил под руководством новороссийского губернатора И. И. Селецкого. «По усмотрении в нем расторопности и отличных познаний» его начал выдвигать местный вице-губернатор Д. С. Казинский, который после назначения казанским гражданским губернатором добился в начале 1798 г. перевода своего любимца в Казань чиновником губернского правления и канцелярии губернатора. Здесь И. Г. Жеванов оказался в числе лиц, принимавших 24-30 мая 1798 г. императора Павла I, и, по словам Н. И. Лобачевского, был свидетелем того, «каким образом покойный государь... отдал словесный приказ... генерал-губернатору Деласси называть гимназию императорской»[2]. 29 мая «за особые труды» И. Г. Жеванов получил чин губернского секретаря, а с 12 июля 1798 г. по 15 декабря 1799 г. занимал должность казначея Императорской первой Казанской мужской гимназии, добившись благоволения начальства «за устройство ея и сбережение сумм»[3].

В 1799 г. Д. С. Казинский оставил пост губернатора и переехал в Санкт-Петербург. Туда же он вызвал и И. Г. Жеванова. Последний 28 марта 1800 г. был определен в канцелярию генерал-прокурора Сената, успешно служил до мая 1801 г. под руководством П. Х. Обольянинова и А. А. Беклешова и был награжден чинами титулярного советника и коллежского асессора. В мае 1801 г. он поступил в Комиссию по составлению законов, в 1802 г. являлся секретарем директора 2-го кадетского корпуса В. А. Зубова, а в сентябре того же года временно вышел в отставку с чином надворного советника.

С марта 1803 по август 1812 г. И. Г. Жеванов занимал различные посты в Министерстве военно-сухопутных сил. Здесь за выполнение ответственных поручений, требовавших «отличных познаний и немаловажных трудов», он заслужил чины коллежского советника и статского советника, а также был награжден орденом Св. Владимира IV ст.

22 августа 1812 г. И. Г. Жеванов был

назначен правителем канцелярии Адмиралтейств-коллегии, где проработал до декабря 1823 г. После он был произведен в действительные статские советники, получил давно желаемые герб и диплом на потомственное дворянство, пожалован орденами Св. Анны I и II ст., Св. Владимира III ст.

В 1816 г. И. Г. Жеванов женился, у него родилось двое сыновей. Его карьера, казалось, складывалась удачно. Однако 19 декабря 1823 г. указом императора Александра I И. Г. Жеванов был уволен от службы «без просьбы», т. е. без жалованья и пенсии. Начались годы унижений и обивания порогов влиятельных вельмож, составление записок «на высочайшее имя» с просьбами о реабилитации. Проведенное по поручению нового самодержца Николая I расследование окончилось благополучно. Царь повелел причислить его «к герольдии» и ждать «определения к месту». Только в начале 1829 г. открылась вакансия в провинции.

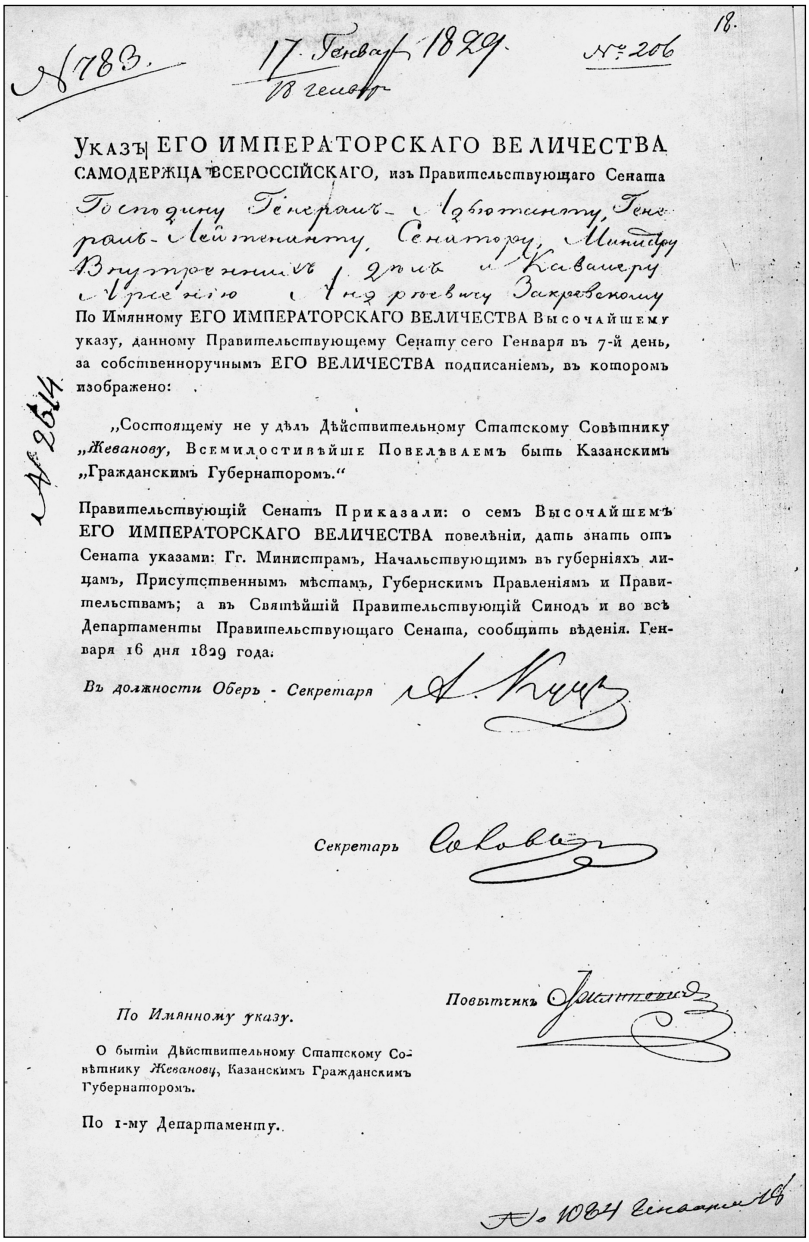
В 1828 г. на посту начальника Казанской губернии оказался А. М. Тургенев, который предпочел не появляться во вверенном ему крае и дожидаться более заманчивых предложений в Санкт-Петербурге. В результате 7 января 1829 г. И. Г. Жеванов был назначен казанским гражданским губернатором. В должность он вступил 2 марта 1829 г.[4]

Следует отметить, что местное общество еще помнило о деятельности И. Г. Жеванова по восстановлению Казанской Первой мужской гимназии в 1798 г. и потому возлагало на него определенные надежды. Об этом свидетельствует переписка ректора университета Н. И. Лобачевского с попечителем Казанского учебного округа М. Н. Мусиным-Пушкиным[5]. Приятное впечатление о личности губернатора зафиксировал в своем дневнике знаменитый путешественник и ученый А. Гумбольдт, который посетил Казань 23-28 мая 1829 г. и встречался с И. Г. Жевановым.

Мемуарист А. А. Малышев оставил нам следующий словесный портрет начальника губернии: «Человек пожилой, до фанатизма религиозный, святой честности, беспристрастно правдивый и до беспредельности кроткий; он неизменно держался домашней семейной жизни и чуждался общества, официальные поздравления в торжественные дни принимал обыкновенно в церкви, куда постоянно являлся очень рано, а у себя принимал только лиц, являвшихся к нему по делам службы или с прошениями. День у него начинался очень поздно, а оканчивался очень рано, начинались сумерки, и занимаемый... старинный ханский дворец уже дремал во мраке. Супруга его Марья Петровна, сравнительно молодая особа,.. еще принимала кой-кого из дам высшего казанского общества, но приемы эти были редки и кратковременны»[6].

Впрочем, воспоминания представляют собой источник достаточно субъективный и невсегда достоверный. Так и в нашем случае «казанский старожил» называет И. Г. Жеванова генерал-лейтенантом, тогда как последний никогда не состоял на военной службе и прошел путь сугубо гражданского чиновника, а данная ему характеристика более соответствует описанию военного губернатора Е. П. Толстого[7]. Архивные документы, напротив, свидетельствуют об активной и целеустремленной деятельности Ивана Григорьевича, проявившего немалую энергию в наведении порядка в губернии. Да это и неудивительно! Николай I сделал ставку на поддержание бюрократического начала, и в провинции чиновник стал важнейшей фигурой, оттеснив на второй план сословную знать за исключением ее представителей, находившихся на государственной службе.

Современники свидетельствовали: «Казань и в то время уже была большим многолюдным городом, но из многочисленного казанского дворянства там проживали очень немногие, кроме тех, которые там служили. Царившая в Казани утомительная скука не манила помещиков в губернский город, из которых некоторые жили в Москве или Петербурге, а большая часть прозябала в своих поместьях... Общество Казани было чрезвычайно разнохарактерное и до крайности разъединенное; оно состояло из бесчисленного множества отдельных кружков; карты и вакханалия составляли главное их развлечение, а у помещиков, не говоря о повсеместной шумной охоте по пороше и летом, затевались буйные охоты на одичавших свиней,.. да еще катанье на самодельных больших лодках по Волге, но преимущественно по не менее просторной Каме»[8].



№ 783. 17 Генваря 1829 18 генваря № 206 18.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО, изъ Правительствующаго Сената

Господину Генералъ-Адъютанту, Генералъ-Лейтенанту, Сенатору, Министру Внутреннихъ дѣлъ и Кавалеру Арсенію Андрѣевичу Закревскому

По Имянному ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату сего Генваря въ 7-й день, за собственноручнымъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА подписаніемъ, въ которомъ изображено:

„Состоящему не у дѣлъ Дѣйствительному Статскому Совѣтнику „Жеванову, Всемилостивѣйше Повелѣваемъ быть Казанскимъ „Гражданскимъ Губернаторомъ."

№ 2614

Правительствующій Сенатъ Приказали: о семъ Высочайшемъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣніи, дать знать отъ Сената указами: Гг. Министрамъ, Начальствующимъ въ губерніяхъ лицамъ, Присутственнымъ мѣстамъ, Губернскимъ Правленіямъ и Правительствамъ; а въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ и во всѣ Департаменты Правительствующаго Сената, сообщить вѣденія. Генваря 16 дня 1829 года.

Въ должности Оберъ-Секретаря А. Куцъ

Секретарь Соловьевъ

Повытчикъ Филиппов

По Имянному указу.

О бытіи Дѣйствительному Статскому Совѣтнику *Жеванову*, Казанскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ.

По 1-му Департаменту.

№ 1084 Генваря 18

Указ императора Николая I о назначении И. Г. Жеванова казанским губернатором. 7 января 1829 г. РГИА, ф. 1286, оп. 4, д. 761, л. 18.

Весной и летом 1829 г. И. Г. Жеванов провел подробное обследование положения губернии, объездил вдоль и поперек всю территорию края и обревизовал местные административные, судебные и иные учреждения. В своих «отношениях» в Казанское губернское правление, Казенную палату, губернскую прокуратуру он подробно описал впечатления об увиденном, заметив «между чиновниками» в уездах «раздор и разногласия»[9]. Так, в журнале губернской казенной палаты от 30 июля 1829 г. появилась запись о том, что при осмотре в уездных городах соляных и винных магазинов губернатор нашел многие из них «в самом ветхом и опасном состоянии» и потребовал их «немедленной перестройки или поправки»[10]. Крестьяне Мамадышского и Козмодемьянского уездов лично приносили ему жалобы на злоупотребления лесничих и членов земских судов, кото-

рые брали взятки по 40 копеек с топора и в случае отказа платить заводили дела на обывателей о самовольной порубке леса. Зато в некоторых уездах, «изобилующих лесом, — отмечал И. Г. Жеванов, — множество срубленного леса... остается без всякого употребления и... согнивает, а в иных местах леса загромождены валежником до такой степени, что препятствует произрастанию молодых деревьев,.. между тем жителям... не дозволено им пользоваться»[11].

30 августа того же года И. Г. Жеванов известил губернское правление о «чрезвычайной неисправности» дорог во многих уездах Казанской губернии и предписал «строжайше подтвердить тамошним земским исправникам» заняться укреплением дорожного полотна и мостов. Иван Григорьевич также распорядился «озаботиться и употребить всемерное старание» к сбору накопившейся недоимки в Казанском, Мамадышском, Цивильском, Ядринском, Чебоксарском и Царевококшайском уездах. За «беспорядки в делах и накопление оных» получили выговоры члены Мамадышского, Ядринского, Чебоксарского земских и уездных судов и городских дум, а тетюшский городничий, который «оказал себя... участником... распрей и кроме того замечен в притеснениях обывателей», был предан суду. Кроме того, гражданский губернатор «во многих местах нашел тюремные замки и градские больницы ветхими и о некоторых сделал со своей стороны распоряжения»[12].

Много времени заняло расследование дела «о чиновниках и прочих людях, преданных суждению... за лихоимство и поборы с лашман», которое началось в феврале 1827 г. при его предшественнике О. Ф. Розене и продолжалось при нем. Губернский стряпчий Свечников провел «исследование» о комиссионерах Низового округа корабельных лесов и доложил прокурору Г. И. Солнцеву и губернатору И. Г. Жеванову о затруднениях и препятствиях, возникших на пути к выявлению обстоятельств «лихоимственных сборов» адмиралтейских служителей. Правление Низового округа отказывалось подвергать допросам заподозренных чиновников и жалобщиков «по причине отлучек... из мест их жительств... по нахождению в лашманской работе»[13]. В мае 1830 г. Сенат поручил И. Г. Жеванову «иметь строгое наблюдение за ходом сего дела»[14]. Однако последнее тянулось несколько лет и после его смерти.

Более обстоятельно начальник губернии занялся налаживанием работы местной полиции, поскольку нашел ее дела «в беспорядке,.. само же течение их чрезвычайно медленно, так что даже указы и определения губернаторские о предметах важнейших остаются без движения и ответов по нескольку месяцев»[15]. Сначала он обвинил полицейские чины в «недеятельности» и обязал их «осугубить старание» в несении службы. «При самом приезде моем в Казань, — писал он в Министерство внутренних дел, — распорядился я, чтобы навоз на улицах был счищаем и свозим за город, а улицы метены были бы ежедневно, и исполняется в... точности; но за сим нельзя дойти до совершенной исправности как по чрезмерной и густой пыли, так и потому, что многие дома, принадлежащие... частным жителям и состоящие на самых лучших улицах после пожаров, не исправляются»[16]. Заслугой губернатора стало и то, что за первые семь месяцев его правления в более чем 46-тысячном городе не было зафиксировано «ни одного убийства, ни грабежа, ни явного буйства» и резко уменьшилось воровство и мошенничество. Наводить дисциплину и закручивать гайки он умел!

Вскоре выяснилось, что «скопление дел и неустройства по полиции» вызваны не только нерадением чиновников, но и скудным финансированием, кадровым дефицитом и непомерным количеством «вступающих бумаг распорядительных, дел следственных, вексельных, разных просьб и предъявлений». И. Г. Жеванов скрупулезно подсчитал общее число поступающих в полицейские органы Казани ежегодно документов: «Уголовных до 300, о взысканиях по вексельным, заемным письмам и контрактам до 250, указов, предложений и от разных присутственных мест требований до 10 тыс., донесений от частей тоже до 10 тыс., следовательно, всех вообще дел и бумаг до 20 500, в каждую часть города, кроме производства следствий, поступает к исполнению входящих бумаг до 4 тыс. и выходит исходящих до 5 тыс... Далее в состав полиции входят требования из команд нижних чинов, довольствие их

амуницией и провиантом, а подъемных пожарных лошадей фуражом; выдача на строение фасадов, составление такс на продаваемые припасы, переписка о[б] устройстве принадлежащих разным ведомствам домов и против оных дорог, взыскание недоимок, наблюдение вообще за устройством, чистотою, опрятностию и безопасностию в городе, нахождение... для тишины и спокойствия в разных публичных местах, освещение жителей о подрядах, продажах и других случаях, посредничество при описи имений и весьма многие другие предметы»[17]. А между тем с 1825 г. на содержание казанской полиции каждый год выделялось более 82 888 рублей, причем «из сей суммы производится жалованье полицмейстеру, 5 частным приставам и всем квартальным надзирателям, издерживается на канцелярские расходы, на содержание и обмундирование 423 человек нижних служителей, покупаются и содержатся пожарные инструменты,.. 120 лошадей, освещение города фонарями» и пр.[18] Иван Григорьевич приложил значительные усилия и добился от МВД увеличения полицейского штата в Казани на более чем 25 сотрудников. Император Николай I утвердил это решение 18 июня 1831 г., когда губернатора не было в живых.

И. Г. Жеванов немало потрудился и для благоустройства губернского города. По его распоряжению в Казани впервые стали мостить улицы камнем. Сначала была замощена Рыбнорядская площадь, пользовавшаяся репутацией места «невылазной грязи». 6 октября 1829 г. во время крестного хода по ней проехали местный архиепископ Филарет и гражданский губернатор. После торжества Иван Григорьевич предложил жителям вымостить улицы напротив своих домов, а также приступил к отделке Булака за счет городских доходов. В 1829-1833 гг. камнем замостили «Крепостную» в Кремле, Проломную, Георгиевскую, Рыбнорядскую, Поперечно-Воскресенскую, Петропавловскую и Гостинодворскую улицы.

Самым драматическим фактом в правление И. Г. Жеванова стало возникновение в Казани эпидемии холеры. Впервые в России азиатская «холера морбус» была зафиксирована в 1823 г. в Астрахани. Казанские инфекционные заболевания обращали на себя внимание врачей с начала XIX столетия, и авторы статей в «Прибавлениях» к «Казанскому вестнику» 1829 г. прямо настаивали на необходимости радикальных санитарных мер для борьбы с эпидемией. С осени 1829 г. холера уже свирепствовала в Оренбурге. Тогда же инспектор Казанской врачебной управы Тиле составил, а губернатор И. Г. Жеванов утвердил особое, опубликованное в местной газете «Наставление, как содержать себя при открывшейся в Оренбургской губернии болезни, холерою называемой».

Сведения о начале и развитии страшного заболевания содержатся в статье профессора Казанского университета К. Ф. Фукса и краеведа И. Я. Чернобровина. В первых числах сентября 1830 г. на Бакалдинской пристани заболело и умерло несколько бурлаков, а 9 сентября холера перекинулась в Казань, вызвав панику у ее жителей. «Ужас разлился по всем улицам, — писал К. Ф. Фукс. — Многие зажиточные люди оставляли город; другие, менее достаточные, старались, по крайней мере, запастись съестными припасами на полтора месяца. Цена на потребности жизни возвысилась... 10 сентября не видно было ни одного экипажа; ворота были повсюду заперты, и только одна чернь, не предвидя опасности, занималась еще на улицах»[19].

12 сентября холерные случаи участились, хотя И. Г. Жеванов и успокаивал обывателей, пытаясь развеять их страхи разъяснениями о «благополучном состоянии» города. Но все видели, как заболевающие холерой люди «падали и коченели на улицах». 13 сентября гражданский губернатор распорядился «об оцеплении Казани и прекращении всякого сообщения благополучных мест с зараженным городом»[20]. По его приказу все присутственные места и учебные заведения закрылись, а в Ямской, Подлужной, Татарской слободах были учреждены пять холерных больниц. 14 сентября Министр внутренних дел А. А. Закревский поручил Ивану Григорьевичу «употреблять проживающих в... губернии штаб- и обер-офицеров, состоящих по армии или по кавалерии» для борьбы против холеры[21].

Казань оказалась в незавидном положении. «Повсеместная тишина и без-

людье производили странное, горестное впечатление в сердце», — вспоминал очевидец[22]. Город был оцеплен кордоном, на улицах дымились «курева» из навоза и тянулись мрачные фуры, вывозившие умерших на холерное кладбище за Подлужной улицей. Продажа продовольствия, привозившегося крестьянами, осуществлялась следующим образом: «Продавцы клали на землю товар, а покупатели — деньги, избегая этим путем взаимного соприкосновения»[23].

В конце октября холера прекратилась. Всего от нее в Казани умерло, по словам К. Ф. Фукса и И. Я. Чернобровина, более 1 500 человек. Жертвой эпидемии стал и гражданский губернатор И. Г. Жеванов. 3 октября «за болезнию» он передал управление губернии вице-губернатору Е. В. Филиппову, а 21 октября 1830 г. в три часа пополудни скончался[24]. 23 октября И. Г. Жеванов был похоронен на кладбище Зилантова монастыря в Казани.

Так закончилась жизнь казанского гражданского губернатора И. Г. Жеванова, немало сделавшего для наведения порядка в губернии и для благоустройства Казани. Однако его кратковременное правление не внесло необходимой стабильности в работу губернской администрации, чья деятельность существенно пострадала из-за частой смены ее начальников на протяжении 1820-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1286, оп. 4, д. 761, л. 4-4 об.
2. Модзалевский Л. Б. Материалы для биографии Н. И. Лобачевского. – М., Л., 1948. – С. 262.
3. РГИА, ф. 1343, оп. 21, д. 1726, л. 3 об.
4. НА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 1381, л. 1.
5. Модзалевский Л. Б. Указ. соч. – С. 262, 267.
6. Малышев А. А. Губернатор доброго старого времени: Воспоминания старожила // Русская Старина. – 1907. – Т. 131. – С. 188.
7. См. подробнее: Долгов Е. Б. Казанский военный губернатор Е. П. Толстой // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2004. – № 1. – С. 66-71.
8. Малышев А. А. Указ. соч. – С. 189.
9. НА РТ, ф. 14, оп. 18, д. 97, л. 1-1 об.
10. Там же, л. 16.
11. Там же, л. 18.
12. Там же, л. 71-72 об.
13. Там же, ф. 168, оп. 2, д. 165, л. 50-53.
14. Там же, л. 56 об.-57.
15. Там же, ф. 18, оп. 19, д. 85, л. 8 об.
16. Там же, ф. 1, оп. 1, д. 148, л. 5 об.-6.
17. Там же, ф. 14, оп. 19, д. 85, л. 11 об.-12.
18. Там же, ф. 1, оп. 1, д. 148, л. 4 об.-5.
19. Казанский Вестник. – 1831. – Апрель. – С. 223.
20. Модзалевский Л. Б. Указ. соч. – С. 284.
21. НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 198, л. 51.
22. Спутник по Казани: Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / Под ред. Н. П. Загоскина. – Казань, 1895. – С. 492.
23. Там же. – С. 493.
24. Агафонов Н. Я. Казань и казанцы. – Казань, 1906. – Вып. 1. – С. 71.

Аттестат И. Г. Жеванова

24 июля 1824 г.
С.-Петербург.

Дан из Государственной адмиралтейств-коллегии бывшему правителем канцелярии ее действительному статскому советнику и кавалеру Жеванову в том, что он в службу вступил, как видно из формулярного списка, из дворян, в Екатеринославскую казенную палату 1787 года генваря 1-го; губернским произведен регистратором 1790 февраля 2-го; определен в бывшую канцелярию екатеринославского губернатора Хорвата 1794 августа 1-го, где за труды при открытии и устроении Вознесенской губернии по особому именному указу всемилостивейше пожалован коллежским регистратором 1795 года августа 10-го. По упразднении той канцелярии в 1797 году определен в Одесский карантин и из оного прикомандирован к отправлению пограничных дел к преемнику Хорвата генерал-лейтенанту Бердяеву того же года апреля 1-го. От означенного Бердяева поступил к новороссийскому губернатору Селецкому и потом определен в Казанское губернское правление и прикомандирован к отправлению дел к тамошнему губернатору Казинскому 1798 года.

Находясь при нем, по высочайшему повелению за особенные труды получил чин губернского секретаря 1798 майя 29. Определен во вновь открывшуюся в Казани Императорскую гимназию казначеем того же года июля 12-го, где за устройство ея и сбережение сумм представляем был не однажды к награждению чином коллежского асессора. По увольнении оттуда определен в канцелярию генерал-прокурора Обольянинова 1800-го марта 28-го, где произведен титулярным советником 1800 июля 4-го, коллежским асессором в награду отличного его усердия в пример другим 1801 генваря 22-го. Потом находился при генерал-прокуроре Беклешове, а в мае того же года поступил в Комиссию о составлении законов, из коей по указу Правительствующего Сената определен секретарем к директору 2-го кадетского корпуса генералу графу Зубову 1802 генваря 15-го. По прошению за болезнию уволен от сей должности с награждением чина надворного советника 1802 сентября 21. Определен в департамент Министра военных сухопутных сил столоначальником 1803 марта 1-го. Находясь тут, за отличные труды по означенной должности всемилостивейше пожалован чином коллежского советника 1806 генваря 1-го. Государственной военной коллегии в счетную экспедицию контролером определен по высочайшему указу 1806 года августа 3-го. В 1796-м году, будучи употреблен сверх должности его по усмотренной в нем расторопности и отличным познаниям к освидетельствованию учрежденных по границе Екатеринославской губернии с Таврической областью кордонов для недопущения в пределы той губернии, оказавшейся в принадлежащем к области сей острове Тамани, моровой язвы, устройству их и введению в них надлежащего порядка и безопасного образа приема проезжавших из мест заразительных людей, порученность сию по долговременных трудах и заботливости исполнил с желаемым успехом, и распоряжениями своими содействовал тому, что целый край предохранен от впущения во внутрь оного сей ужасной заразы, на самых границах Екатеринославской губернии свирепствовавшей, и не доведен ни до каких нужд. А в 1806-м году, находясь в департаменте Министра военных сухопутных сил, также употребляем был от него сверх должности к разным особенным поручениям, требовавшим отличных познаний и немаловажных трудов, исполнял оные с желаемым успехом и пользою. Правителем канцелярии бывшего при Военной коллегии Комитета о[б] образовании Военного департамента, с отправлением вместе и должности контролера 1810-го генваря 31-го за сочинение положения и форм о ведении приходных и расходных книг комиссариатских всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Владимира 4-й степени 1810 майя 5-го. Из счетной экспедиции переведен по высочайшему указу в ведомство Военной коллегии для употребления по особенным поручениям военного министра 1811 февраля 27-го. По упразднении Комитета о[б] образовании Военного департамента по высочайшему указу причислен к конференции Комиссии составления военных уставов и уложений для производства дел с жалованием по коллегии и комитету, коего производимо ему было по 3 800 рублей 1811 мая 28-го. За труды по означенной Комиссии составления уставов всемилостивейше награжден подарком 1812 генваря 1-го. Именным высочайший указом, данным Правительствующему Сенату, повелено быть начальником 4-го отделения Провиантского департамента и притом пожалован в 5-ый класс 1812-го марта 21-го. Именным же высочайшим указом, данным Адмиралтейств-коллегии, повелено быть правителем канцелярии оной коллегии с производством получаемого им ныне довольствия 1812 августа 22-го. Всемилостивейше пожалован за отличие и труды по Военному министерству орденом Св. Анны 2-го класса 1813 генваря 22-го, всемилостливейше пожалован за особенное отличие орденом Св. Владимира 3-й степени 1814 сентября 2-го, действительным статским советником 1816 декабря 12-го. По высочайшему повелению назначено производить столовых денег по 3 000 руб. в год 1818 июля 26-го. Всемилостивейше пожалован за отличные труды по службе кавалером ордена Св. Анны 1-й степени 1821 июля 31-го. В штрафах и под судом не бывал; а прошлого 1823 года декабря 19 числа по именному высочайшему Его императорского величества указу, данному Правительствующему Сенату, уволен от службы. Во удостоверение чего дан сей за подписанием Адмиралтейств-коллегии и с приложением ее печати.

Подлинный аттестат за подписью г. г. членов коллегии. Правитель дел Михаилов.

РГИА, ф. 1286, оп. 4, д. 761, л. 3-6. Копия.

Публикацию подготовил
Евгений Долгов,
кандидат исторических наук